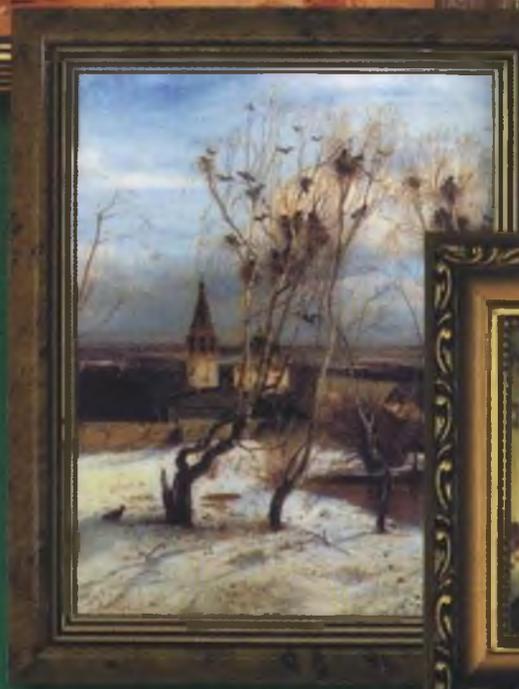

85.143(2)
Б-77

Н. БОЙКО

ИСТОРИИ ЗНАМЕНИТЫХ ПОЛОТЕН

«На севере диком»

В последние годы жизни Ивану Ивановичу было одиноко. Жена умерла, старшая дочь Лида вышла замуж и уехала в Финляндию, став хозяйкой усадьбы Мери-Хови, где-то среди холодных бесприютных скал на берегу залива. Страшное бремя одиночества способно согнуть в дугу даже великана. Что за непроглядные ночи наступили для Ивана Ивановича: холодные, бесконечно долгие. И все слышалась откуда-то песня, словно безутешный звон колокольчика, и надо бы ему приблизиться, но он не приближается, надо бы ему удалиться, но и удалиться он не хочет... звенит и звенит на одной ноте:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...*

Нет в песне ни светлого начала, ни радостного конца. И душа полнится обидой на несправедливость судьбы, рано отнявшей старшего брата, двух сыновей, милую Женечку — мать Лиды... И так тесно, так неудобно дома, словно птице, попавшей в западню.

Иван Иванович чувствовал, что утешения уже не будет, что короткое утешение затем вызовет бурю, подобную той, что когда-то застигла его на острове Валаам на берегу Ладожского озера. Ветер налетел внезапный и сильный, пронесся низом, по-над самой травой, ухнуло и что-то затрещало в монастырском саду. Он, пригибаясь, побежал через сад, где стоял уже сплошной шум и свист. Совсем рядом что-то грохнуло — не то справа, не то слева, не то где-то впереди. И он увидел, как огромный клен медленно и неестественно клонится прямо на него, заваливаясь верхушкой все быстрее и быстрее. Он рванулся в сторону. Клен рухнул совсем близко. А он бежал, задыхаясь, и остановился на берегу. Озеро, темное, взбухшее, клокотало, как кратер, билось о камни, колючие брызги стеклянными осколками секли лицо. Горизонта не было. И неба тоже не было. Все смешалось — то ли волны вздыбливались, то ли разодранные облака неслись низко, обрушиваясь на прибрежные скалы; то ли все вместе гудело и рушилось.

Дочь Лида знала, что отцу плохо, звала к себе: «Природа здесь неброская, но удивительно своеобразная, — так и просится на холст», — подзадоривала. Но собрался Иван Иванович только к зиме, — не мог перебороть обиду на то, что дочь вышла замуж за иностранца.

Его встретили приветливо. Он отдыхал в Мери-Хови и работал почти с удовольствием. Написал несколько зимних этюдов, чистых, светлых по ко-

На севере диком. 1891

лориту. Но все что-то силился вспомнить, когда вечерами читал стихотворение Лермонтова:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сытучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.*

Шел к столу и тихо переключал с места на место рисунки. И вспомнил! Опять Валаам. Там, на высоком каменном холме стояла сосна. Она была не очень высока, с кривым толстым стволом, но столько в ней было внутренней красоты и силы, так мощно стояла она на скале, что пройти мимо ни за что было нельзя. Он написал с нее этюд. Где этот этюд? Надо поискать в мастерской в Петербурге.

Иван Иванович решает написать «Сосну» маслом на холсте. И весь он теперь там, у своей будущей картины, которая едва ли не демонически захватила его. Да и как могло быть иначе, ведь эта сосна, скованная льдом и снегами, суровая и прекрасная — он сам!

Шишкин поехал домой, чтобы скорее взяться за работу.

А в Петербурге ждали его друзья, у них много накопилось новостей, спешили поделиться. Однако их рассказы мало его увлекали, он был во власти своей новой картины «На севере диком». Писал быстро и, казалось, легко, но все это только внешняя сторона, главное было в душе художника.

Шишкин удивил друзей необычностью избранной темы и даже каким-то не «шишкинским» решением — картина была написана в холодных тонах. Художник Куинджи, зайдя как-то в мастерскую, долго смотрел на картину, прищурив острые глаза, качая головой: ну и ну! Нет, в самом деле, вышло что-то не «шишкинское». По мнению Архипа Ивановича, чего-то не хватало в картине. Он все присматривался так и этак. Да, чего-то не хватает. И вдруг Куинджи схватил кисточку, и Шишкин не успел рта раскрыть, как он ткнул ею в холст между ветвями сосны, обозначив желтым кадмием крохотный огонек в студеной застывших далях.

— Вот! — Рука его замерла над холстом, и Шишкин испуганно ее отстранил:

— Вы же мне все тут испортите!

Но почему-то огонек, поставленный Архипом Ивановичем, убрать рука не поднялась — он был как надежда среди безысходности.

Как ни странно, но именно этот огонек вывел Шишкина из угрюмого состояния, в котором он находился очень давно. Жизнь продолжается, какую бы она не была, надо жить, надо, чтобы вокруг тебя было светло, ведь только светом ты и можешь отблагодарить Всевышнего за свое пребывание на земле.